

**ОЛЬГА
ДАШКОВА**

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

КАПИТАН МОЕГО *Сердца*

18+

Ольга Дашкова

Капитан моего сердца

<https://litres.ru/74199252>

SelfPub; 2026

Аннотация

Я опоздала на яхту на семь минут.

Потеряла туфлю в Средиземном море.

Облила кофе капитана.

Капитан был высокий, темноволосый, с такими скулами которые лепят не для обычных людей, для каких-то других, специальных.

Суровый. Немногословный. Совершенно невозможный.

– Ваша туфля уплыла.

– Вижу.

– Второй остался.

– Тоже вижу.

Туфлю он принес сам. Вечером. Молча. И ушел. Это была моя первая ошибка: решить что это ничего не значит.

Круиз. Средиземное море. Красавчик в белой форме.

«Капитан моего сердца» – роман о том как потерять что-то одно и найти все остальное.

Содержание

Пролог Есения	4
Глава 1 Есения	11
Глава 2 Капитан	19
Глава 3 Есения	28
Глава 4 Капитан	36
Глава 5 Есения	46
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Ольга Дашкова

Капитан моего сердца

Пролог Есения

Я умею готовить утку по-пекински.

Это важно. Это единственное, что важно в этой истории на данном этапе, потому что утка по-пекински – это не просто еда. Это заявление.

Это я серьезно настроена, это я вложила душу, это я мариновала тебя, несчастная птица, восемь часов – примерно столько же, если перевести в месяцы, я встречаюсь с Сергеем.

Восемь месяцев, это почти год.

Утка томила в духовке. Свечи горели. Я надела то самое платье – красное, которое подруга Жанка называет *«платье последнего шанса»*, и я каждый раз говорю ей, что это просто красивое платье, и она каждый раз смотрит на меня с таким сочувствием, что хочется провалиться сквозь паркет.

Сергей должен был прийти в семь. В семь пятнадцать я еще смотрела на дверь с выражением *«пробки, бывает»*.

В семь сорок пять – с выражением *«что-то случилось, сейчас позвонит»*.

В восемь десять мой телефон завибрировал. Незнакомый

номер.

Решила, что это реклама. Я очень хотела, чтобы это была реклама. Реклама чего угодно: кредитов, натяжных потолков, ритуальных услуг, мне было все равно. Я была готова выслушать все про натяжные потолки и цену места на кладбище.

Это была не реклама.

«Добрый вечер. Меня зовут Оксана. Я жена Сергея. Он попросил передать, что задерживается. Точнее, он не придет. Точнее, вообще. Извините за неудобства».

Несколько предложений. Я перечитала три раза. Потом посмотрела на свечи. На бокалы: два, хрустальных, которые я достала из той коробки, где лежат вещи *«для особого случая»*.

На утку в духовке, которая ничего не знала о своей судьбе и честно делала все, что от нее требовалось.

Потом написала в ответ: *«Спасибо, что предупредили»*. Потому что я вежливая. Это мой главный недостаток.

Понимаете, в чем проблема? Я не была в шоке.

Вот что самое страшное! Я не была в шоке. Я сидела на кухне в красном платье, смотрела на телефон и думала не *«как он мог»* и не *«за что мне это»*, я думала: *ну вот опять*.

Опять.

Как будто это было домашнее задание, которое я снова сделала неправильно. Как будто есть какой-то учебник — *«Есения Короткова и мужчины: типичные ошибки, страни-*

ца сорок семь». Я его не читала, хотя все остальные давно прочитали.

Роман был женат. Я узнала это от его жены, она пришла ко мне в кафе, заказала капучино и объяснила ситуацию спокойным голосом человека, который делает это не в первый раз.

«*Вы у него третья в этом году*», – сказала она и добавила сахар. Один кусочек. Аккуратно размешала. Я тогда подумала, что она святая. Или робот. Или святой робот.

После Романа был Игорь. Игорь клялся, что развелся. Показывал какие-то бумаги, я не юрист, я бухгалтер, я верю документам. Документы оказались договором купли-продажи автомобиля. Я до сих пор не понимаю логику.

Теперь Сергей.

Я даже не удивилась, что он женат. Я удивилась, что его жена такая вежливая. *Извините за неудобства*. Как будто Сергей – это посылка, которая не доехала.

Жанка позвонила в восемь тридцать. Она всегда чувствует. У нее радар на мои катастрофы: точный, безотказный, работает в любую погоду.

– Рассказывай, – сказала она вместо «здравствуй».

– Он женат.

Пауза.

– Сергей?

– Угу.

– Есь.

– Угу.

– Есения Олеговна.

– Жань.

– Нет, ты мне объясни, – голос у нее стал тем самым, тихим и страшным, – у тебя что, на лбу написано *«женатым вход бесплатный»*? Может, ты светишься в каком-то диапазоне, которого я не вижу? Может, надо к врачу?

– Может, – согласилась я.

– Слушай меня внимательно. У меня есть путевка. Горячая. Средиземное море, яхта, почти две недели, отплытие завтра в полдень. Мне нельзя, у меня Митька с ветрянкой и Колька в командировке. Едешь ты.

– Жань, я не могу завтра...

– Есения! – она произнесла мое имя так, как произносят приговор. – Ты сидишь в красном платье над уткой, которую никто не придет есть. В восемь вечера пятницы. И ты говоришь мне *«не могу»*.

Я посмотрела на утку. Утка смотрела на меня. Мы обе понимали, что вечер не задался.

– Там море?

– Средиземное.

– Там тепло?

– Плюс двадцать восемь.

– Там будут мужчины?

– Есь, – осторожно сказала Жанка.

– Я просто спрашиваю. Чтобы психологически подгото-

виться. Проверить у них всех безымянные пальцы и...

– Там будет море, солнце, вино, и ты наконец выдохнешь. Все. Едешь?

Встала, подошла к духовке. Выключила. Взяла один из двух хрустальных бокалов. Вылила в него содержимое второго. Подняла.

– Еду, – сказала.

Это было вчера. Сегодня я стою на причале в Марселе с чемоданом, у которого отвалилось колесо – прямо здесь, прямо сейчас, прямо на глазах у всех.

И тащу его волоком по брусчатке, и он скрежещет, как трамвай на повороте, вижу, что трап уже убирают, кричу *«Подождите!»* на русском, потому что в панике все языки, кроме родного, испаряются мгновенно!

И врезаюсь в белую форменную рубашку. Горячий кофе. Мои руки. Мужская широкая грудь. Белая рубашка. Тишина. Медленно поднимаю взгляд.

Высокий. Темные волосы. Скулы, которые лепили явно в другой комплектации, не для обычных людей, а для каких-то других, специальных.

Солнцезащитные очки подняты на лоб. Глаза серые, и в них сейчас такое выражение, что я инстинктивно ищу, куда отступить.

Отступить некуда. За мной причал. Впереди – он.

Я смотрю на его руки. Безымянный палец на левой руке чист. Правое запястье, там часы. Большие. Закрывают все.

«Ну конечно», — думаю я.

А вслух говорю:

— Простите. Я не специально. С вашей рубашкой все будет хорошо. Наверное.

Он смотрит на меня. Потом на рубашку. Потом снова на меня.

— Ваша туфля, — говорит наконец абсолютно ровным голосом, — упала в воду.

Я смотрю вниз. Одна красная туфля — на ноге. Вторая красная туфля — в Средиземном море. Уплывает. Медленно и торжественно, как маленький красный кораблик.

— Вижу.

— Вторая осталась.

— Тоже вижу.

— Вы собираетесь плыть за ней?

Нет. Я собираюсь стоять здесь и делать вид, что так и было задумано. Я собираюсь провести две недели на яхте в одной туфле. Я собираюсь...

— Есения Короткова, — говорю и зачем-то протягиваю руку. — Пассажир.

Он смотрит на мою руку секунду дольше, чем нужно.

— Тихомиров, — говорит он. — Илья Миронович.

Жмет руку. Коротко. Профессионально.

— Капитан.

«Капитан, — думаю. Смотрю на его часы. — Ну, разумеется, капитан и такой красивый».

Судовой журнал яхты «Афродита». День первый. Марсель. Курс – зюйд-ост. Ветер – 9 узлов. Волнение – 2 балла. Отплытие задержано на 11 минут. Причина: пассажирка Короткова Е.О. Погода – ясная. Инцидентов нет.

Глава 1 Есения

Меня поселили в каюту номер четыре.

Карина – стюардесса с профессиональной улыбкой и рентгеновским взглядом – провела инструктаж с видом учительницы, отпускающей первоклассников на перемену.

– Завтрак в восемь, обед в час, ужин в семь. В рубку без приглашения не входить, на нос в шторм не выходить, капитана по имени не называть.

– А как обращаться?

– Капитан Тихомиров.

– А если срочно?

– Капитан Тихомиров, – повторила она с интонацией человека, который отвечает на этот вопрос не в первый раз и надеется, что в последний. – И еще кое-что. Чемодан в проходе не оставлять. Просьба лично от боцмана.

Я не спросила почему. По тону было понятно, что лучше не спрашивать.

В салоне меня ждали семеро незнакомых людей с бокалами в руках. Они смотрели на меня с таким выражением, с каким смотрят на человека, опоздавшего на вечеринку, то есть знающего об этом и понимающего, что все остальные тоже в курсе.

Женщина слева встала первой. Ей было за пятьдесят, безупречный маникюр, серьги с рубинами, такие не купишь в

аэропорту.

– Алла, – представилась она и протянула руку. – Громова, – кивок в сторону стоящего рядом плотного загорелого мужчины с видом человека, которому везде хорошо, потому что он здесь хозяин. – Это Виктор, мой муж.

– Есения, – ответила я. – Короткова.

Алла внимательно посмотрела на меня, так оценщик смотрит на предмет, принесенный на экспертизу.

– Скулы хорошие. С такими скулами либо умирают в одиночестве, либо живут очень счастливо – середины не бывает.

Я открыла рот. Закрыла. Подумала. Снова открыла.

– Спасибо, – сказала наконец. – Наверное.

– Алла, опять, – Виктор покосился на жену.

– Что – опять? Я говорю правду. Все говорят правду?

Судя по тишине, не все и не всегда.

Мужчина напротив оторвал взгляд от ноутбука, который лежал у него на коленях прямо здесь, на яхте, рядом с бокалом вина. Я уточняю на всякий случай, потому что это важная деталь.

– Антон, – коротко сказал. – Берг, – и тут же развернул ноутбук экраном ко мне: – Это вы та, что опоздала и облила капитана?

– Это уже легенда?

– Это уже в чате экипажа.

На экране было написано: *«Внимание всем. Пассажирка Короткова Е.О. размещена в каюте № 4. Просьба проверить*

крепление всего незакрепленного имущества».

– Шутка такая?

– Петрович никогда не шутит, – сказал Антон и вернул ноутбук на колени с видом человека, выполнившего свой гражданский долг.

Слева тут же появилась девушка с телефоном. Быстрая, улыбочивая, такая энергичная, что рядом с ней хотелось либо тоже улыбаться, либо лечь.

– Соня! – она протянула руку, прежде чем я успела открыть рот. – Мирошниченко. Блогер, двести тысяч подписчиков, лайфстайл и путешествия. Ты просто золото, я уже все сняла, надеюсь, ты не против.

– Что – все?

– Как ты бежала по причалу. Как упала туфля. И как капитан смотрел тебе вслед.

– Он смотрел?

Соня посмотрела на меня с выражением *«ты серьезно?»*.

– Да, а Петрович поперхнулся кофе.

– Соня, – сказала девушка рядом с ней – темноволосая, с книгой на коленях и усталыми глазами человека, привыкшего работать в сложных условиях. – Человек только что вошел.

– Я просто излагаю факты, – Соня убрала телефон с видом художника, который убирает кисть, но ненадолго. – Это моя сестра Лена. Она архитектор и скептик.

– Лена Мирошниченко, – подтвердила сестра, не вставая

с места. – Добро пожаловать.

Последним поднялся мужчина у окна. Это заняло некоторое время, он был высоким и вставал с той ленивой грацией, которая бывает у людей, давно привыкших к тому, что на них смотрят. Итальянец – это было очевидно без слов, по жестам, по тому, как он держал бокал, по тому, как он улыбался – медленно, словно делая одолжение.

– Марко, – сказал он и взял меня за руку. Поцеловал воздух над ней с таким видом, будто делал одолжение всему Средиземноморью. – Феррари.

– Как машина?

Он засмеялся – добро, без обиды.

– Именно как машина. Быстрая, итальянская, иногда шумная.

Безымянный палец левой руки – чист. Я проверила его автоматически, рефлекторно, как проверяют срок годности молока – не задумываясь, просто потому, что по-другому уже не получается.

«Итальянцы иногда не носят кольца, – тут же вмешался внутренний голос. – Уточнить при первой возможности». Ненавижу свой внутренний голос. Он циничный, неугомонный и, к сожалению, почти всегда прав.

Петровича я нашла на палубе после обеда. Деревянная трубка, усы как у Буденного, взгляд человека, который все повидал и перестал удивляться лет двадцать назад.

– Вы Петрович? – спросила. – Боцман?

– Зуев, – ответил он. – Геннадий Петрович, – посмотрел на меня долгим оценивающим взглядом. – Знаю, кто вы. Вся яхта знает.

– Геннадий Петрович, я правда ненарочно. С кофе. Я то-ропилась и...

– В море не бывает *случайностей*, – веско произнес он, не меняя выражения лица. – Море все делает не случайно. Каждая волна – не случайно. Каждый человек, попавший на борт, – тоже не случайно.

– Это философия или угроза?

Он посмотрел на меня с чем-то похожим на уважение.

– Наблюдение. Сорок лет в море, – затянулся трубкой. – Вы, Короткова, не морской человек. Но вы не притворяетесь морским человеком. Это редкость.

– А капитан – морской человек?

Петрович долго молчал. Смотрел на воду.

– Капитан только морской человек, – сказал наконец. – Это его якорь. И его проблема.

Развернулся и ушел. Я смотрела ему вслед и думала, что про якорь – это было важно. Я просто пока не понимала почему.

Вечером вышла на палубу. Берег давно исчез. Вокруг было только море, темно-синее, живое, огромное, совершенно равнодушное к тому, что я вижу его впервые. Я ждала этого момента, вот оно, первое, величественное внутреннее пере-рождение.

Вместо этого я просто стояла и тихо думала о том, как много воды. Очень много воды. Со всех сторон. И нет берега.

– Впервые? – раздался голос позади меня.

Капитан Тихомиров стоял в двух шагах. Рубашка чистая, рукава закатаны. Смотрел на горизонт, а не на меня, но вопрос явно был адресован мне.

– Откуда вы знаете?

– У вас такое лицо.

– Какое?

Он помолчал, словно подбирая слово.

– Честное. Страшно? – спросил без тени насмешки.

– Немного. Воды много.

– Найдите одну точку на горизонте. Мозг перестанет считать воду вокруг.

Я нашла точку, маленький огонек где-то вдалеке. Смотрела минуту. Потом еще.

– Работает, – удивленно сказала.

– Старый метод.

На этом он мог бы замолчать, профессионально, правильно, выдержав дистанцию. Но он сказал:

– Ночью на открытой воде звезды другие. Их больше. Они ближе.

Я подняла голову. Млечный Путь раскинулся над нами, как рассыпанная по темной скатерти соль, плотный, настоящий, какого никогда не бывает над городом. Я не ожидала, что все будет вот так. Без пафоса, без подготовки, просто

ночь, звезды и незнакомый человек рядом.

– Боже, – тихо сказала.

– Да, – согласился капитан.

Мы помолчали. Странное молчание, не неловкое, не требующее заполнения. Он сделал шаг, чтобы уйти, но остановился. Достал из-за спины красную туфлю.

Мокрую. Немного помятую. Живую. Я уставилась на нее.

– Откуда?

– Петрович выловил.

Он держал туфельку двумя пальцами, аккуратно, на весу, с видом человека, которому не совсем понятно, как он доказал до такого в своей профессиональной карьере. Я взяла туфельку. Она была тяжелой от воды и теплой от его руки.

– Спасибо.

– Передайте Петровичу.

– Передам, – пауза. – Но вы принесли.

Он посмотрел на меня. Секунду. Вторую.

– Спокойной ночи, Есения Олеговна.

– Спокойной ночи, капитан.

Ушел. Прямая спина, белая рубашка в темноте. Часы на правом запястье. Я смотрела на туфельку в руке.

«Он сам принес», – тихо, почти без язвительности сказала моя внутренняя бухгалтерша.

«Я знаю», – ответила я.

«Это ничего не значит».

«Я знаю», – повторила я.

Но так и не смогла убрать улыбку с лица, пока не дошла до каюты.

Судовой журнал яхты «Афродита». Первый день. Курс – зюйд-зюйд-ост. Ветер – 11 узлов. Все пассажиры размещены. Маршрут в норме. Туфля пассажирки Коротковой Е.О. возвращена владелице. Погода ясная. Инцидентов не было.

Глава 2 Капитан

Я управляю яхтами уже одиннадцать лет.

За одиннадцать лет у меня был один пожар на камбузе, две серьезные поломки двигателя, один итальянский турист упал за борт в вечернем костюме по собственной воле – он поспорил на деньги, и шторм у берегов Корсики, во время которого я не спал сорок два часа.

Со всем этим я справился. Короткова Есения Олеговна провела на борту восемнадцать часов. За восемнадцать часов я трижды подумал о ней не по работе. Это был личный антирекорд.

Начну с причала. Я держал кофе. Одиннадцать лет, каждое утро, перед каждым выходом в море был кофе на причале. Ни одного происшествия. Рекорд был установлен в двенадцать ноль три по местному времени.

Сначала раздался звук, это был скрежет чего-то тяжелого по брусчатке, потом крик на русском, потом топот, и она врезалась в меня с такой скоростью и точностью, что я на секунду решил: человек целился.

Горячий кофе. Белая рубашка. Тишина. Я опустил взгляд.

Блондинка. Длинные, очень длинные ноги в красных туфлях, одна из которых в эту секунду медленно плыла в сторону открытого моря. Легкое платье. Волосы растрепались от бега. Пухлые, чуть приоткрытые от испуга губы пытались

произнести слова извинения.

Я успел подумать ровно одну мысль. Потом она подняла на меня глаза: большие зеленые глаза человека, который прыгнул и только в полете вспомнил, что не умеет летать, и эта мысль улетучилась.

Профессиональный рефлекс сработал быстрее: *пасса-жирка, опоздание, кофе на форме, сложный рейс*. Я сосредоточился на форме.

Она смотрела на мои руки. Точнее, на левую руку. Потом на правое запястье с часами. Потом снова на левую. Взгляд быстрый, профессиональный, такой бывает у людей, привыкших искать конкретную деталь и не находить ее.

Интересное наблюдение. Я сохранил его в памяти и постарался забыть.

– Простите. Я не специально. С вашей рубашкой все будет хорошо. Наверное.

– Ваша туфля, – сказал я абсолютно ровным голосом, – упала в воду.

Мы одновременно посмотрели вниз, одна красная туфля была на ноге. Вторая красная туфля – в Средиземном море. Уплывала. Медленно и торжественно, как маленький красный кораблик.

– Вижу.

– Вторая осталась.

– Тоже вижу.

– Вы собираетесь плыть за ней?

– Есения Короткова, – неожиданно представилась она и зачем-то протянула руку. – Пассажир.

Рука была теплой. Рукопожатие – неожиданно крепким для человека, только что потерявшего в море туфельку.

– Тихомиров. Илья Миронович. Капитан.

– Капитан, – тихо повторила она.

И снова посмотрела на часы. Быстро, почти незаметно. Я отвернулся к трапу, заметив, как за моей спиной Дима Крылов, мой второй помощник, человек с ямочками на щеках и хроническим оптимизмом, смотрит на нее с улыбкой, которую я не видел, но знал наизусть. Эту улыбку Дима надевает, когда считает, что жизнь преподнесла ему подарок.

– Дима, – сказал я, не оборачиваясь. – Трап.

– Уже, – ответил Дима. В его голосе слышалась улыбка.

Первые четыре часа прошли нормально.

Карина разместила пассажиров. Федул молча приготовил обед, сегодня был рыбный суп с шафраном, что означало хорошее настроение. Петрович выловил туфельку, я узнал об этом, когда боцман принес ее мне со словами «*отдайте сами, капитан*» и ушел, прежде чем я успел спросить, почему сам.

Сорок лет в море. Петрович что-то знает наперед, я давно принял это как данность и перестал спорить. Туфельку я взял. Положил на стол в рубке. Смотрел на нее минуту.

Красная. Мокрая. С острым каблуком, совершенно неуместный предмет в навигационной рубке яхты класса

люкс. Убрал ее в ящик стола, подальше от глаз.

За ужином я наблюдал.

Это часть работы – следить за пассажирами, оценивать их настроение, предотвращать конфликты. Должностная инструкция, а не личный интерес. Я повторил это про себя дважды и принялся наблюдать.

Громы спорили о завтрашней стоянке с удовольствием людей, которым нравится сам процесс, а не результат. Бергел, не отрываясь от ноутбука, Федул смотрел на него с тихим осуждением праведника. Сестры Мирошниченко: младшая снимала еду на камеру, старшая читала, обе игнорировали друг друга с непринужденностью людей, выросших в одной квартире.

Марко Феррари сидел рядом с Коротковой. Это я заметил сразу. Профессионально. Просто как факт рассадки пассажиров за столом.

Марко что-то рассказывал, жестикулировал, наклонялся, смотрел на нее с тем выражением, которое я видел на его лице в каждом рейсе за последние три года. Феррари был хорошим человеком и отличным пассажиром, платил вовремя, не скандалил, уважал экипаж. И при этом ни разу, ни единого раза не упустил возможности познакомиться с красивой женщиной на борту.

А Короткова была красивой. Это я констатирую как факт, без лишних эмоций.

Длинные ноги, это было заметно, даже когда она сидела.

Волосы убраны, открыта шея. Платье простое, без претензий, сидело на ней так, что Марко Феррари поглядывал на нее уже в третий раз за пять минут. Я считал. Профессионально.

Пухлые губы улыбались, она рассмеялась над шуткой итальянски, слегка запрокинув голову, и я поймал себя на том, что смотрю на эту улыбку на две секунды дольше, чем того требует должностная инструкция.

Отвел взгляд. Посмотрел в тарелку. Федул сегодня превзошел сам себя. Я съел суп и не почувствовал вкуса.

Раздражало другое. Она не кокетничала.

Вот что было неожиданно и раздражало больше, чем сама ситуация. Марко Феррари был красивым итальянцем, у него были деньги и обаяние, женщины на борту реагировали на него предсказуемо. Она смеялась над его историями, но смотрела не *на него*, а куда-то за его плечо, в окно, на море. Слушала по-настоящему, не притворяясь.

Не заносилась. Не играла. Не осматривала яхту с видом *я привыкла к лучшему*, а такое я видел достаточно часто, чтобы узнавать с первого взгляда. Она просто была собой. Как будто ей не нужно было прилагать усилия, чтобы нравиться, и именно поэтому она нравилась.

С такой внешностью – длинные ноги, эти губы, эта улыбка – у нее наверняка очередь из желающих. Вопрос не стоит. Такие женщины никогда не бывают одни, вокруг них всегда кто-то крутится, что-то предлагает, куда-то зовет.

Я поймал себя на том, что думаю об этом. Перестал жевать.

«Тихомиров, – сказал я себе, – правило четвертое».

Правило четвертое было выстрадано. Правило четвертое существовало потому, что три года назад я стоял в московской прихожей с билетами на двоих и слушал, как Вика спокойным голосом объясняет: *«Илюш, ну ты же понимаешь, ты капитан, ты море. Так жить нельзя».*

Тогда я понял одно: для таких женщин капитан – это декорация. Красивая, функциональная, уместная в отпуске. После этого три года чистого профессионализма. Три года железного правила: пассажиры уезжают, капитан остается. Это не трагедия. Это логистика.

Встал из-за стола. Марко тут же придвинулся к Коротковой на освободившееся место. Она что-то сказала, он засмеялся. Я вышел.

Туфлю я отнес вечером.

Не потому, что хотел. Потому что Петрович утром сказал *«отдайте сами»* с таким видом, что, если не отдать, будет хуже. Сорок лет в море. Петрович умеет создавать ситуации, в которых у тебя нет выбора, и при этом выглядеть совершенно непричастным.

Девушка стояла на палубе и смотрела на море.

Тихо, что само по себе было неожиданно. За день она успела поучаствовать в чате экипажа, познакомиться со всеми пассажирами и рассмеяться так, что на нее обернулись за

соседним столиком. Но сейчас – тихо. Она смотрела на воду с легким страхом, без притворства.

Мы поговорили о точке на горизонте. О звездах, я не собирался говорить о звездах, это вышло само собой. Она подняла голову и посмотрела на Млечный Путь с таким выражением, с каким смотрят на что-то, что давно хотели увидеть, но не верили, что увидят.

Я достал туфлю.

Держал ее двумя пальцами и думал о том, что вот уже одиннадцать лет я в море – и вот где я нахожусь. На ночной палубе, с красной туфлей в руке, рядом со светловолосой девушкой в легком платье, которая смотрит на звезды и не подозревает, что так красива, что Марко Феррари не может сосредоточиться на ужине.

– Петрович выловил.

Она взяла туфельку. Она была тяжелая от воды и теплая, я долго ее держал.

– Спасибо.

– Передайте Петровичу.

– Передам, – пауза. – Но вы принесли.

Она посмотрела на меня. Просто посмотрела, без кокетства, без игры, с той прямоотой, которая бывает у людей, не умеющих или не желающих притворяться.

«Правило четвертое», – сказал я себе.

– Спокойной ночи, Есения Олеговна.

– Спокойной ночи, капитан.

Ушел. Не оглядывался. Не оглянулся. Почти.

В рубке я сел за карты. Завтра Ницца. Маршрут простой, погода обещает быть хорошей, никаких сложностей. Я смотрел на карту и думал о курсе, глубинах, точках стоянки.

Думал об этом минуты четыре. Потом подумал о том, что она сказала – *«но вы принесли»* – таким тоном, будто это что-то значило. Спокойно, без нажима. Просто констатировала факт.

– Федул, – сказал в переговорное устройство.

– М? – ответил Федул.

– Завтра к обеду – тот суп. С шафраном. И сразу положи добавку. Отдельную порцию.

Долгая пауза.

– М, – сказал Федул.

Но интонация у этого М была такая, что я пожалел о сказанном. Федул ничего не ответил. Федул выдал только М. Но иногда одного М достаточно, чтобы сказать все.

Закрыл карты. *«Тринадцать дней, – сказал я себе. – Просто тринадцать дней. Пассажиры уезжают. Капитан остается. Это логистика».*

За переборкой – четвертая каюта. Тихо. Я лег. Смотрел в потолок. Думал о курсе на Ниццу. Думал об этом примерно три минуты.

Судовой журнал яхты «Афродита». Первый день. Ночь. Курс – зюйд-зюйд-ост. Ветер – 8 узлов. Пассажиры – по ка-

ютам. Марирут в норме.Беседа с пассажиркой Коротковой Е.О. на палубе. Тема: навигация по звездам.По служебной необходимости.Инцидентов нет.Погода ясная.

Глава 3 Есения

Ницца пахла круассанами, морем и чужими деньгами.

Не своими, а именно чужими. Свои деньги пахнут по-другому, я знаю, я бухгалтер. Чужие деньги пахнут лавандой, кожей хорошей сумки и легким превосходством. Ницца пахла именно так.

Я стояла на набережной и думала, что Жанка лучший человек в моей жизни. После утки по-пекински это было несложно, но все равно приятно зафиксировать. Рядом материализовался Марко.

Он делал это бесшумно, просто вдруг оказывался рядом, как хорошо воспитанный кот. Красивый, уверенный, пахнущий чем-то итальянским и дорогим.

– Я знаю здесь одно место, – сказал он. – Лучший тарт в городе.

– Откуда вы везде все знаете?

– Я итальянец, – сказал с таким видом, будто это объясняло все. И знаете что, это объясняло все.

Мы пошли. *«Безымянный палец левой руки – чист»*, – автоматически отметил мой внутренний бухгалтер. *«Я знаю»*, – ответила я ему. – *«Я уже проверяла»*.

Проверь еще раз?

Нет.

Есения!

Все, разговор окончен.

Тарт был действительно лучшим в городе. Может, и в мире, я не специалист, у меня небольшая выборка. Мы сидели за столиком на улице, Марко рассказывал про Палермо и рыбный рынок, я смеялась по-настоящему, солнце грело макушку, и жизнь на сорок минут стала очень простой.

– Ты замужем? – спросил он вдруг.

– Нет. А вы?

– Нет. Был. Три года назад.

– Как это было?

Он подумал.

– Как красивое здание с плохой планировкой. Снаружи смотришь – и восторг. Внутри живешь, а везде углы.

Я подумала про Романа. Про Игоря. Про Сергея и его вежливую жену с несколькими предложениями.

– Понимаю про углы.

– У тебя тоже были?

– У меня был целый лабиринт, – сказала. – Со схемой и указателями.

Он засмеялся. Потом внимательно посмотрел на меня, без флирта, просто как человек, который слушает.

«Хороший, – подумала я. – Жаль, что не моя история». Потом подумала: *«А какая твоя история, Есения Олеговна? Женатые?»* Внутренний голос был язвительный. Зато честный.

Мы вернулись на яхту в четыре. Марко помог мне с паке-

тами, я купила две книги, платье и керамическую рыбу, которая смотрела на меня с витрины с таким выражением, что я не смогла пройти мимо. Рыба была бирюзовая, пузатая и явно знала о себе что-то хорошее.

На палубе стоял Петрович. Он посмотрел на Марко с пакетами. Потом на меня. Потом снова на Марко. Взгляд у него был как у таможенника, который все понял, но пока не решил, что с этим делать.

– Феррари. Пакеты занесите в каюту четыре и возвращайтесь.

Марко посмотрел на меня с выражением: *что это было?* Я пожала плечами. Петрович есть Петрович. Когда Марко ушел, я повернулась к боцману:

– Геннадий Петрович, он просто помогал с пакетами.

– Феррари всегда *просто помогает*, – сказал Петрович. – Сорок лет в море. Я знаю, как выглядит *просто помогает*.

– И как?

Он затаился трубкой. Посмотрел на горизонт.

– Капитан сегодня дважды спрашивал у Димы, где пассажиры.

– И что? – я моргнула.

– Ничего, – сказал Петрович. – Погода к вечеру портится.

Идите в салон.

Развернулся и ушел. Я смотрела ему вслед. *Капитан спрашивал, где пассажиры. Пассажиров семеро. Он спрашивал дважды.*

Я поставила рыбу на полку. Рыба смотрела на меня с бирюзовым спокойствием существа, у которого нет внутреннего бухгалтера.

– Это ничего не значит, – сказала я ей. Рыба промолчала.

За ужином Марко сидел рядом. Это случилось естественно, мы вместе вернулись, вместе зашли в салон, вместе сели. Я не думала об этом как о чем-то особенном. Потом я подняла взгляд.

Капитан стоял в дверях салона. Он иногда заглядывал проверить, что все в порядке, так объяснила Карина. Профессиональная бдительность. Он смотрел на наш с Марко конец стола. Ровно, нейтрально, профессионально. Потом его взгляд переместился на меня.

Одна секунда. Может, две. Потом он кивнул, такой общий кивок в пространство, ни для кого конкретно, и ушел.

«Ничего», – сказал мой внутренний голос.

«Я знаю», – ответила я.

«Совсем ничего».

«Я знаю!»

Марко что-то спросил про завтрашнее Монако. Я ответила, улыбнулась, была вежливой и внимательной собеседницей. И совершенно не думала о том, что капитан Тихомиров смотрел на наш стол ровно две секунды. Совершенно не думала.

После ужина я вышла на палубу. Петрович оказался прав, погода менялась. Ветер усилился, небо затянулось тучами,

море думало о чем-то своем и явно не о нас.

Я стояла у борта и смотрела на огни Ниццы, мы уже шли дальше, берег отдалялся. Кардиган был тонкий и бесполезный, но я взяла его, потому что он красивый, а это важный жизненный приоритет.

– Опять в одной туфле?

Я вздрогнула. Капитан Тихомиров стоял в трех шагах. Рукава закатаны, смотрит на мои ноги.

– Обе на месте. На этот раз обошлось.

– Как Ницца?

– Хорошо. Тарт, книги, рыба керамическая.

– Рыба?

– Она попросила. Она в каюте. Красивая.

– Понятно, – сказал тоном человека, которому не совсем понятно, но он решил принять.

Помолчали. За бортом плескалась волна.

– Феррари показал город?

Интонация ровная, вопрос больше информационный. Чистая профессиональная бдительность.

– Да. Он хорошо знает Ниццу.

– Он везде все хорошо знает.

Снова ровно. Снова нейтрально. Я посмотрела на его лицо. Закрытое, спокойное, совершенно капитанское. Только вот он спросил про Марко. Сам. Первый.

Петрович говорил: «дважды спрашивал, где пассажиры».

Что-то маленькое и теплое шевельнулось в районе солнеч-

ного сплетения. Я немедленно на него рассердилась, на это ощущение, не на капитана, потому что взрослая умная женщина с богатым печальным опытом не должна радоваться тому, что мужчина спросил про итальянца.

– Марко разведен. Три года назад.

Пауза. Маленькая. Почти незаметная.

– Вы быстро узнаете личное.

– Я бухгалтер. Я проверяю детали.

Капитан посмотрел на меня. В серых глазах мелькнуло что-то, как отблеск фары на воде.

– Какие детали?

– Разные.

Мы смотрели друг на друга секунду дольше, чем нужно для вежливого разговора о погоде, Ницце и разведенных итальянцах.

Я отвела взгляд первой. Потому что его глаза были серые и точные, и смотреть в них было как смотреть нагоризонт, бесконечно и немного головокружительно, а у меня уже был опыт того, чем заканчивается головокружение.

Плохой опыт. Трижды.

– Холодно?

– Нет.

– Вы дрожите.

– Ветер.

– Кардиган декоративный.

– Может, я люблю декоративные кардиганы.

– Может.

Он стоял чуть левее, чем минуту назад. Незаметно, без жеста. Просто между мной и ветром.

«Есения», – сказал внутренний голос.

«Молчи», – сказала я ему.

«Он встал между тобой и ветром».

«Я вижу».

«И про Марко спросил».

«Вижу, говорю же».

«И дважды спрашивал Диму».

«Заткнись, пожалуйста».

– Пойду в салон.

– Хорошее решение.

– Спокойной ночи, капитан Тихомиров.

– Спокойной ночи, Есения Олеговна.

Я пошла. Дошла до двери. Остановилась, не специально, просто остановилась и обернулась. Он стоял у борта. Смотрел на горизонт. Потом медленно, как будто почувствовал, повернул голову.

Три секунды через всю палубу. Я зашла в салон.

В каюте я легла и уставилась в потолок. Думала про *езде все хорошо знает* – ровным голосом, без единой лишней ноты. Про то, как он встал между мной и ветром. Про три секунды.

– Нет, – сказала я потолку.

Потолок молчал.

– Он капитан. Он в море. Я живу в Москве. У меня богатый опыт неправильных решений, и я не собираюсь пополнять коллекцию.

Потолок не нашел это убедительным. Взяла телефон. Написала Жанке: *«Жань. Он спросил про итальянца. Ровным голосом. И встал между мной и ветром. Это ничего не значит?»*

Жанка ответила через минуту: *«Есь. Это значит все. Спи».*

Я положила телефон. Посмотрела на бирюзовую рыбу на полке. Рыба смотрела на меня с видом существа, которое давно все поняло и просто ждет, когда я догоню.

Судовой журнал яхты «Афродита». День второй. Ницца. Курс – зюйд-вест. Стоянка шесть часов. Все пассажиры вернулись в срок. Пассажирка Короткова Е.О. приобрела керамическую рыбу. Необходимость неясна. Погода – переменная. Инцидентов нет.

Глава 4 Капитан

Монако я не люблю.

Это непрофессионально, у капитана не должно быть любимых и нелюбимых портов, порт – это точка на карте, координаты, глубина, причальная стенка. Но Монако раздражает меня своей открытостью. Все слишком красивое, слишком дорогое, слишком уверенное в собственной исключительности.

Сегодня Монако раздражало меня по другой причине. Я стоял на палубе и смотрел на набережную. Профессионально. Там была **она**.

Начну с утра.

Утро началось нормально. Пять тридцать, подъем, кофе, Федул молча поставил чашку и ушел – идеальный человек. Я проверил курс, поговорил с Димой о стоянке, все штатно. Потом открыл телефон.

В чате экипажа было семнадцать непрочитанных сообщений. Это много. Обычно – ноль. Экипаж у меня немногословный, Петрович вообще в чате не пишет принципиально, Федул не знает, как печатать одним пальцем быстрее трех минут на слово.

Я открыл.

Дима: Петрович, ты видел, как капитан вчера на палубе стоял?

Дима: Двадцать минут. Я засек.

Дима: Просто стоял. Смотрел на закат.

Дима: Капитан никогда не смотрит на закат.

Дима: Капитан смотрит на приборы и карты.

Дима: Там была Короткова.

Потом долгая пауза. Потом одно сообщение от Петровича.

Петрович: Знаю.

Потом снова Дима:

Дима: Карина, ты видела?

Карина: Я все вижу.

Карина: Всегда.

Дима: И?

Карина: И ничего. Работаем.

Дима: Карина, ты робот.

Карина: Нет. Я профессионал. Разница существенная.

Потом опять Дима:

Дима: Федул, ты здесь?

Пауза восемь минут.

Федул: М.

Дима: Ты тоже заметил?

Пауза двенадцать минут.

Федул: М.

Дима: Это да или нет?

Пауза пятнадцать минут.

Федул: М.

Последнее сообщение было от Димы, отправлено в час ночи:

Дима: Петрович, я ставлю на пятый день. Ты на восьмой. Карина говорит, уже сломался, просто не знает. Федул молчит. Итого: тотализатор открыт. Ставки принимаются до Барселоны.

Я закрыл телефон. Открыл снова.

Написал в чат: *«Доброе утро. Дима – двигатель левого борта. Карина – каюты. Федул – камбуз. Работаем. Быстро».*

Дима ответил через тридцать секунд.

Дима: Есть, капитан. С добрым утром!

И смайлик-улыбочка. Я ненавижу этот смайлик.

В Монако мы встали в десять.

Пассажиры сошли на берег. Громыковы немедленно разделились, Виктор – в сторону яхт-клуба, Алла – в сторону всего остального. Берг открыл ноутбук прямо на причале. Сестры Мирошниченко пошли вместе, Соня с телефоном, Лена с книгой, обе при деле.

Марко Феррари подождал Короткову.

Я это видел. Профессиональная бдительность, я всегда отслеживаю, как пассажиры покидают борт. Кто с кем, куда, во сколько планируют вернуться. Должностная инструкция.

Она вышла в белом платье и синих туфлях. Волосы убраны. Длинные ноги на брусчатке Монако выглядели так, будто Монако специально под нее строили.

Марко что-то сказал. Есения засмеялась. Они пошли. Я смотрел им вслед ровно столько, сколько требует профессиональная бдительность. Потом еще немного.

Я остался на борту. Капитан при исполнении. Стоянка – не отдых, стоянка – это работа с документами, проверка оборудования, связь с портовыми службами. У меня было три часа дел.

Я сделал их за сорок минут. Это был личный рекорд скорости. Нехороший рекорд. В одиннадцать тридцать я стоял на палубе с кофе и смотрел на набережную. Профессионально.

Монако было красивым и раздражающим. Белые здания, яхты, туристы с фотоаппаратами. Где-то там она в белом платье и Марко Феррари, который везде все хорошо знает.

Марко был хорошим человеком. Я это признаю объективно. Платил вовремя, уважал экипаж, не скандалил. Третий рейс подряд – значит, яхта ему нравится. Разведен, без обязательств, умеет разговаривать с женщинами так, что они смеются.

Вот именно. Умеет.

– Бинокль в рубке, – сказал Дима за моей спиной. Я обернулся.

Он стоял с невинным лицом человека, который просто проходил мимо и вспомнил полезный факт.

– Что?

– Бинокль. В рубке. Если нужно рассмотреть что-то на на-

бережной. Видимость сегодня хорошая, но все-таки расстояние.

– Дима.

– Да, капитан.

– Якорная цепь.

– Проверена.

– Проверь еще раз.

Дима ушел. Улыбка осталась – она у него физически несъемная, я давно смирился.

В час дня вернулась Алла Громова. Одна, без Виктора, с пакетами и видом женщины, которая хорошо провела время и знает об этом. Она поставила пакеты, взяла бокал просекко у Карины и вышла на палубу. Встала рядом со мной.

Помолчала – ровно столько, чтобы вид создавал впечатление случайности.

– Капитан.

– Алла Викторовна.

– Красивый порт.

– Да.

– Вы здесь стоите уже два часа.

– Слежу за обстановкой.

– За обстановкой, – повторила она с такой интонацией, что это прозвучало как мягкий приговор. – Конечно.

Я молчал. С Аллой Громовой молчание работает лучше, чем возражения. Возражения она парирует мгновенно – двадцать три года в браке с Виктором Грозовым дают хорошую

реакцию.

– Знаете, что я думаю, – сказала она, не спрашивая.

– Нет.

– Думаю, что вы смотрите на набережную не потому, что следите за обстановкой. Обстановка в Монако стабильна с тысяча восемьсот шестьдесят первого года, – она отпила просекко. – Я замужем двадцать три года. До этого два развода. Я разбираюсь в мужчинах, как Федул в рыбе.

– Алла Викторовна...

– Вы смотрите на нее, как голодный на витрину. Это красиво, но неэффективно.

Я повернулся к ней. Алла смотрела на меня спокойно, без насмешки, без злорадства. Просто говорила правду так, как умела.

– Она пассажирка.

– Была. До вчерашнего вечера, – Алла поставила бокал. – Потом вы стояли с ней на палубе и принесли туфлю. Карина говорит, что вы попросили Федула поставить ей отдельную порцию супа.

– Федул готовит для всех.

– Федул готовит для всех одинаково. Отдельная порция – это другое. Федул это знает. Карина это знает. Дима завел тотализатор, – она взяла пакеты. – Я поставила на пятый день, если вам интересно.

– Мне неинтересно.

– Врете, – сказала Алла Громова просто и пошла в салон.

В три часа они вернулись.

Марко нес ее пакеты. Она что-то говорила, жестикулировала, рассказывала что-то смешное, судя по тому, что Марко смеялся. У нее была манера рассказывать истории руками, не итальянская, не театральная, просто живая.

Я стоял на палубе. Есения подняла взгляд, увидела меня, улыбнулась. Просто так, не кокетливо, не с умыслом. Просто человек увидел знакомое лицо и улыбнулся.

Я кивнул. Профессионально. Повернулся и пошел в рубку. Где у меня не было никаких дел. В рубке я сел за стол и уставился в карты. Думал.

Ей двадцать восемь, я видел дату рождения в документах, мне на десять больше. Она живет в Москве, бухгалтерия, красные туфли и рефлекс на безымянный палец. А у меня море восемь месяцев в году и скоро новый контракт.

После круиза она уедет в Москву. Я уйду на Адриатику. Это не история – это логистика с плохой развязкой.

«Вика», – сказал я себе.

«Ты капитан, ты море, жить с этим нельзя».

Я тогда стоял в московской прихожей и думал, что понял главное: такие женщины влюбляются в форму, в закат, в декорацию. Не в человека. Я был декорацией.

Есения не смотрела на форму. Она смотрела на безымянный палец, это была ее система проверки, ее защитная реакция, такая же выстраданная, как мое правило четыре. Она смотрела на меня с той прямоотой, которая бывает у людей,

не умеющих притворяться.

И умела смеяться над собой с такой легкостью, за которой я уже начинал различать что-то другое, она за смехом скрывала боль. Это было хуже. Гораздо хуже. Это было искренне.

Потому что женщину в красивом платье на закате я умею держать на расстоянии. Это я умею хорошо, три года практики, железное правило, проверено. А женщину, которая смеется, чтобы не было больно, я не знал, как держать на расстоянии. Этому меня никто не учил.

Телефон завибрировал. Чат экипажа.

Дима: Капитан вернулся в рубку в 15:07.

Дима: Короткова вернулась на борт в 15:06.

Дима: Совпадение?

Карина: Дима.

Дима: Что?

Карина: Работай.

Дима: Я и так работаю. Параллельно наблюдаю. Это называется многозадачность.

Петрович: М.

Я написал в чат: *«Дима. Двигатель правого борта. Сейчас».*

Дима: Уже иду, капитан. С добрым днем.

Снова этот смайлик.

Я закрыл телефон. Потом открыл. Потом закрыл. Посмотрел на карты. На маршрут. На точку, где сейчас яхта, и точку, где будет через пять дней. Барселона. Конечная.

«Пять дней», – сказал внутренний голос.

«Знаю», – ответил я.

«Это мало».

Я не ответил. Потому что ответить было нечего. За иллюминатором Монако блесло солнце. Красивое, дорогое, уверенное в себе. Внизу на палубе слышались голоса, Есения что-то говорила Соне, та смеялась.

Я узнал ее смех. Это было плохим знаком. Очень плохим.

Вечером я все-таки вышел. Есения стояла у борта. Без Марко, без Сони, с бокалом вина и бирюзовой рыбой, которую держала в руке по непонятной мне причине.

– Рыба теперь везде с вами?

– Она боится оставаться одна, – сказала Есения без паузы.

– Керамическая рыба.

– Все боятся. Независимо от материала.

Я посмотрел на девушку. Она смотрела на море. Профиль, подсвеченный закатом, пухлые губы чуть сжаты, она о чем-то думала. О чем, я не знал. Впервые за долгое время мне было интересно, о чем думает человек рядом.

Это тоже было плохим знаком.

– Как Монако?

– Красивое. Дорогое. Немного самовлюбленное.

– Точно.

– Вы не сходили на берег.

– Капитан при исполнении.

– Илья Мионович, – сказала медленно, – вы всегда при

исполнении?

– Почти.

Она повернулась. Посмотрела на меня – прямо, без игры. Расстояние между нами было меньше, чем накануне. Я не помнил, как это вышло.

– Завтра Портофино.

– Знаю.

– Спокойной ночи, Есения Олеговна.

– Спокойной ночи, капитан.

Я ушел. В рубке открыл судовой журнал. Долго смотрел на чистую строку. Написал.

Судовой журнал яхты «Афродита». День третий. Монако. Курс – норд-ост. Ветер – 7 узлов. Стоянка шесть часов. Все пассажиры вернулись в срок. Алла Викторовна Громова поставила на пятый день. Это не имеет значения. Погода – ясная. Инцидентов нет.

Глава 5 Есения

В

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.